

DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.074-081
УДК 904

О.В. Зайцева, О.Б. Беликова, Е.В. Водясов

Национальный исследовательский Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия

E-mail: snori76@mail.ru; bob@mail.tsu.ru; vodiasov_ev@mail.ru

Антропоморфные бронзовые личины Тимирязевского-1 курганного могильника

В статье анализируется категория неординарных археологических находок – бронзовые изображения человеческих лиц. Они происходят из раскопок Тимирязевского-1 курганного могильника (юг Западной Сибири, нижнее течение р. Томь), которые в 1973 и 2014 гг. проводил Томский государственный университет. Дано подробное описание всех личин и контекста их обнаружения. Определено стилистическое единство находок в техническом и художественном аспектах. Артефакты датированы V–VIII вв. и в результате комплексного анализа определены как изображения особого – «тимирязевского» – облика. По современным источникам их ареал ограничивается пределами Томско-Нарымского Приобья. Личины относятся к одному иконографическому типу, известному по материалам культовой металлопластики из археологических памятников Западной Сибири эпохи Средневековья. Приводится развернутая аргументация интерпретации «тимирязевских» личин как деталей ритуальных кукол, изготовленных из органических материалов. В обрядовой практике коренных народов Сибири хорошо известно об изготовлении после смерти человека небольшой куклы – временного вместилища одной из «душ» умершего. С учетом археологического контекста обнаружения личин реконструировано специальное захоронение этих кукол с принадлежащими им наборами инвентаря (преимущественно миниатюрных моделей вещей) на территории Тимирязевского-1 могильника. Высказано предположение о том, что здесь захоранивали куклы и других типов – из органических материалов, которые ко времени раскопок не сохранились. В пользу этого свидетельствуют многочисленные изолированные скопления миниатюрных предметов, фиксируемые на небольшой глубине в насыпях курганов или в пространстве между ними.

Ключевые слова: антропоморфные личины, Тимирязевский-1 могильник, Сибирь, Средневековье.

O.V. Zaitceva, O.B. Belikova, and E.V. Vodyasov

National Research Tomsk State University,

Pr. Lenina 36, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: snori76@mail.ru; bob@mail.tsu.ru; vodiasov_ev@mail.ru

Anthropomorphic Bronze Masks from the Timiryazev-1 Burial Ground

This paper addresses rare funerary artifacts—anthropomorphic bronze masks, unearthed in 1973 and 2014 from 5th–8th century AD mounds at Timiryazev on the Lower Tom River, southwestern Siberia, by an expedition from the Tomsk State University. Their detailed description is provided and the archaeological context is described. Stylistically and technically, the masks represent a separate group, termed Timiryazev and distributed in the Tomsk-Naryn area of the Ob basin. In broader terms, they belong to medieval repoussé ritual masks from western Siberia. As we demonstrate, the Timiryazev specimens were details of funerary dolls made of organic materials and resembling those manufactured by Siberian natives in the recent past. They were meant to provide a temporary abode for one of the deceased person's souls. The archaeological context suggests that at Timiryazev, dolls were buried separately, with their miniature belongings. We also suggest that other types of dolls were buried there, too. Those were made of purely organic materials that did not survive, as evidenced by numerous isolated clusters of miniature objects buried in shallow pits inside burial mounds or between them.

Keywords: Timiryazev-1, western Siberia, Early Middle Ages, burial mounds, anthropomorphic masks, ritual dolls, miniature models.

Введение

В археологии Западной Сибири уникальным памятником эпохи Средневековья признан Тимирязевский-1 курганный могильник, датируемый V–X вв. Он находится в нижнем течении р. Томь, на ее левом берегу напротив г. Томска. Могильник рекогносцировочно исследован В.И. Матюшенко: в 1956 г. им были раскопаны два кургана [Матюшенко, 1957]. Хорошо известным в науке памятник стал после масштабных раскопок Л.М. Плетневой в 1971 и 1973 гг. 68 курганов [Плетнева, 1974, 1984; Беликова, Плетнева, 1983].

Уникальность могильника Тимирязевский-1 определяется, в частности, его размерами. Без учета той части, которая уже уничтожена, его площадь сегодня составляет ок. 19 га. Сведения о количестве визуально фиксируемых курганных насыпей расходятся. На глазомерном плане памятника 1971 г., снятом Л.М. Плетневой, отмечено 272 кургана [Беликова, Плетнева, 1983, с. 7]. Кроме того, как и А.Д. Гаман, мы полагаем, что Тимирязевский-1 и Тимирязевский-2 курганные могильники являются не самостоятельными памятниками, а частями одного крупного раннесредневекового некрополя, значительную часть которого когда-то разрушили при строительстве пос. Тимирязево [Очерки..., 1994, с. 236]. Тимирязевский-2 курганный могильник, согласно данным его исследователя Р.А. Ураева, в 1959 г. насчитывал 110 курганов [Там же, с. 33]. В 2009 г. Центром по охране и использованию памятников истории и культуры Томской обл. при определении границ Тимирязевского археологического комплекса зафиксировано более 800 объектов (включая раскопанные курганы) курганного могильника Тимирязевский-1 [Березовская, Марков, 2012, с. 170]. Можно утверждать, что Тимирязевский могильник является крупнейшим раннесредневековым погребальным комплексом на территории Западной Сибири [Зайцева и др., 2016, с. 282].

В 2014 г. Томский государственный университет (ТГУ) проводил под руководством О.Б. Беликовой охранные раскопки на северной периферии могильника, поврежденной при строительстве коттеджного пос. Снегири. Впервые в истории исследования памятника раскопки велись сплошными площадями, которые, помимо слабо фиксируемых в рельефе курганных насыпей, включали и межкурганное пространство. Результаты раскопок серьезно изменили сформировавшиеся ранее представления о характере могильника, поскольку вне курганных насыпей были выявлены грунтовые погребения и целый ряд интереснейших поминальных объектов. В числе последних исследованы два скопления миниатюрных металлических предметов, включающие две бронзовые антропоморфные личины (см. *рисунок*, 5, 6; коллекция 7951 Музея археологии и этнографии Сибири

им. В.М. Флоринского ТГУ (МАЭС)). Четыре подобные личины обнаружила в 1973 г. Л.М. Плетнева в кург. 39, 55, 59, 60 (см. *рисунок*, 1–4; коллекция 9004 МАЭС). Таким образом, в настоящее время известно шесть бронзовых антропоморфных личин из Тимирязевского-1 могильника. Всестороннему анализу этой категории находок посвящена данная публикация. Особое внимание уделено контексту обнаружения личин и смысловой интерпретации их функционирования в погребально-поминальном обряде населения, оставившего могильник Тимирязевский-1.

Описание материалов

Представляется целесообразным дать подробное описание всех шести бронзовых личин и контекста их обнаружения.

Личина 1 (см. *рисунок*, 1; кург. 39). Высота 5,9 см, масса 18 г. Литье одностороннее, плоское; имеется брак – недолив металла с правой стороны изделия. Общее очертание изображения лица овальное. Глаза переданы нечетким округлым контуром, рот – овальным валиком, нос – узким прямым валиком. На щеках отмечены по две косые насечки, симметричные относительно вертикальной оси лица. Выделена шея длиной 2,2 см, на которой невысоким рельефом обозначена аморфная овалообразная фигура (изображение «линии жизни»?). На голове, по нашему мнению, отображен боевой шлем, имеющий низкий круглый купол, а также нащечники и надглазья. Нижний край купола оформлен двумя волнообразными выемками над глазами. Перечисленные элементы шлема переданы более высоким рельефом относительно уровня лица. Не исключено, что аналогичным способом у шлема показана еще одна деталь – узкая носовая накладная, переходящая в надглазья шлема. В противоположных местах на кромке верха изделия имеются слабозаметные насечки, сделанные, скорее всего, для прикрепления шлема к какой-либо основе.

Личина найдена в северо-восточном секторе курганной насыпи на глубине 8–9 см, ближе к ее подошве. Она находилась вместе с миниатюрным железным ножом под целым керамическим сосудом небольших размеров [Беликова, Плетнева, 1983, с. 28]. Этот сосуд, в который личину и нож, вероятно, поместили преднамеренно, не имеет следов бытового использования. Погребение человека обнаружено значительно ниже и в стороне от перечисленных находок: на глубине 0,6 м в юго-западном секторе кургана, ближе к его полам. В могиле находились череп женщины 25–30 лет, целый миниатюрный керамический сосуд, бронзовая пряжка и два неопределимых железных предмета.

Личина 2 (см. *рисунок*, 2; кург. 55). Высота 4,0 см, масса 7 г. Литье одностороннее, плоское. Общий кон-

Бронзовые антропоморфные личины из курганного могильника Тимирязевский-1.

1–4 – раскопки Л.М. Плетневой 1973 г.; 5, 6 – раскопки О.Б. Беликовой 2014 г., раскоп 2.

1 – кург. 39; 2 – кург. 55; 3 – кург. 59; 4 – кург. 60.

тур изображения лица округлый. Брови (или надбровные дуги?), глаза, рот и симметричные линии на щеках переданы углубленными рельефными линиями, нос – узким рельефным валиком. Четко показана шея длиной 1,3 см.

Археологический контекст залегания личины чрезвычайно интересен [Там же, с. 10]. В юго-западной части кургана, ближе к его полам, на глубине 0,5 м зафиксированы два керамических сосуда. В сосуд большего размера был вставлен другой керамический сосуд, в котором и находилась рассматриваемая личина вместе с комплексом из 16 железных и бронзовых артефактов. В расположенном рядом керамическом сосуде обнаружено 12 подобных вещей. Все три сосуда не имеют следов бытового использования, как и помещенные в них предметы, отличаются миниатюрными размерами. Погребение в кург. 55 не обнаружено.

Личина 3 (см. рисунок, 3; кург. 59). Высота 3,8 см, масса 6 г. Литье одностороннее, плоское. Общий контур изображения лица округлый; характерна грубость в передаче его деталей. Глаза показаны грубыми насечками, образующими два ромба. На щеках имеется по одной косой насечке. Рот отмечен углубленным подовальным контуром, а нос – слабо выступающим

узким рельефным валиком. На противоположных боковых краях личины, на уровне глаз и чуть ниже, вероятно, после отливки сделаны по выемке глубиной 1–2 мм, а на переносице – глубокая насечка. Эти детали, с точки зрения Л.М. Плетневой, служили для привязывания личины к какой-то основе [Там же, с. 87]. На узкой шее длиной 1,2 см отмечены две короткие поперечные насечки, изображающие, как предположила Л.М. Плетнева, «линию жизни» [Там же], хотя, возможно, они предназначались для прикрепления изделия к основе.

Личина обнаружена при снятии юго-западной части курганной насыпи ближе к ее полам на глубине 10–12 см вместе с двумя фрагментами керамики [Плетнева, 1974, с. 91, рис. 283]. Последние, вероятно, являются остатками сосуда, целостность которого была утрачена в ходе археологизации. Погребение мужчины 30–40 лет находилось в центральной части кургана на глубине 0,6 м. В нем были два керамических сосуда, один из них миниатюрный, а также изделия из железа: втульчатое долото (?) и миниатюрный нож.

Личина 4 (см. рисунок, 4; кург. 60). Высота 4,7 см, масса 10 г. Литье одностороннее, плоское. Общее очертание изображения лица овальное. Глаза и рот

переданы в одной технике овальными контурами. На щеках – по три симметричных косых насечки. Надо лбом тремя продольными желобками изображен, по предположению Л.М. Плетневой, головной убор [Беликова, Плетнева, 1983, с. 17]. Эти горизонтальные детали в верхней части головы, по мнению авторов статьи, призваны показать трехрядность тульи головного убора, не исключено, низкого боевого шлема с круглым куполом. Длина шеи 0,9 см. Края изделия не обработаны.

Личина обнаружена при снятии центральной части курганный насыпи на глубине 12–15 см. Она находилась в миниатюрном керамическом сосуде, в котором были еще три железных артефакта: нож, пряжка и миниатюрная модель тесла. Погребение располагалось на глубине 0,60–0,75 м, согласно данным отчета [Плетнева, 1974, с. 91–92, рис. 287, 288], в яме, сооруженной уже в материковом слое. Сосуд с личиной в проекции располагался над северным краем этого грунтового погребения. Оно содержало останки мужчины 30–40 лет, женщины 16–20 лет и многочисленный инвентарь.

Личина 5 (см. рисунок, 5; раскоп 2, 2014 г.). Изделие с орнитоморфным навершием. Общая высота 5,6 см, масса 6,8 г. Литье одностороннее, с оборотной стороны артефакт имеет углубленно-вогнутую форму. Наблюдаются признаки горельефа, передающие образ птицы. Общий контур изображения лица человека овальный. Глаза показаны дугообразными углубленными линиями, образующими овалы. На щеках симметрично отмечены две пары слабоизогнутых горизонтальных линий, идущих поперек носа, который обозначен узким рельефным валиком. Подобной линией передан рот. Четко смоделирован подбородок. Ниже его – подквадратный рельефный выступ, возможно, отображающий какую-то деталь лица (борода?). Длина подпрямоугольной шеи 1,8 см. На ней прочерчена подтреугольная фигура, вероятно, символизирующая «линию жизни».

На голове антропоморфного персонажа изображена в фас сидящая птица с опущенными крыльями. Она плотно примыкает к голове человека и производит впечатление насаженной на нее – до уровня середины лба. Эта орнитоморфная фигура интерпретирована как своеобразный головной убор или наголовье. По заключению зоолога ТГУ С.С. Москвитина, абрис птицы соответствует, скорее всего, представителю отряда Соколообразные, или дневные хищные птицы (*Falconiforme*).

Личина 6 (см. рисунок, 6; раскоп 2, 2014 г.). Изделие с зооморфным навершием. Общая высота 4,7 см, масса 11,3 г. Литье одностороннее, плоское. Общее очертание лица человека подпрямоугольное. Глаза переданы круглым контуром, брови и три пары симметричных косых насечек на щеках – прямыми углуб-

ленными линиями, нос – валиком, на котором в месте расположения рта сделана насечка. Длина шеи 0,5 см; на ней заметна выпуклая подтреугольная фигура – «линия жизни». Изображение животного, смотрящего влево, отделено от лица человека горизонтальной линией. Глаз животного передан в той же технике, что и глаза человека, – углубленным контуром, но только овальной формы. Навершие трактуется как изображение головного убора в форме животного. Зооморфное существо показано стилизованно, поэтому его видовая принадлежность однозначно не определяется.

Личины 5 и 6 найдены в ходе раскопок 2014 г. и связаны с одним грунтовым погребением, содержащим останки двух детей. Погребальная яма размерами 1,11 × 0,46 м, глубиной 0,32 м, ориентирована на СВ – ЮЗ. Первый индивид представлен коронкой молочного моляра, возраст смерти – 6 ± 3 мес.; второй – постоянными зубами, возраст его смерти – $5 \text{ лет} \pm 16 \text{ мес.}^*$

Личина 5 находилась на самом дне погребальной ямы, у ее северо-восточной стенки, в скоплении предметов, включающем железную миниатюрную пряжку, бронзовую пряжку обычных размеров, бронзовое изображение головы медведя и железные миниатюрные трудноопределимые изделия. В могиле также найдены два железных трехлопастных наконечника стрел и фрагменты керамического сосуда.

Личина 6 обнаружена на расстоянии ок. 1 м от личины 5 у юго-западного верхнего края погребальной ямы, т.е. на уровне древней дневной поверхности, также в составе скопления из железных предметов: миниатюрный нож с остатками ножен, миниатюрная пряжка и фрагмент пластины.

Анализ материалов

Стилистическое единство всех шести антропоморфных личин из Тимирязевского-1 могильника несомненно. Находки объединяет несколько общих признаков.

Личины изготовлены на основе технологии одностороннего плоского литья. Какие-либо петельки или отверстия для крепления на изделиях отсутствуют. Артефакты близки по размерам (длина от 3,8 до 5,9 см) и массе (от 6 до 18 г).

В средней части лица всех антропоморфных существ имеются углубленные полосы, линии. В основном на щеки нанесены 1–3 косые черточки; они расположены симметрично относительно вертикальной оси лица. На одном изображении поперек лица через

*Антропологические определения выполнены мл. науч. сотрудником лаборатории антропологии и этнологии Института проблем освоения Севера СО РАН Е.О. Святовой [2015, л. 16–17].

нос проведены две горизонтальные слабоизогнутые линии (см. *рисунок*, 5). Все эти желобки с учетом их направления и конкретных мест расположения трактуются с большей вероятностью как своеобразные раскраски или татуировки, но не как носогубные или другие естественные морщины.

Нос на всех личинах обозначен прямым валиком, а глаза – углубленным контуром. В целом для антропоморфных изображений характерен реализм в передаче частей лица. У всех личин имеется «шея» – прямой отросток длиной 0,8–2,2 см. На ней у некоторых персонажей показаны разные детали, подобные которым называют «линией жизни».

Главные различия между личинами из Тимирязевского-1 могильника проявляются в оформлении верхней части. На двух личинах в этой зоне показаны фигуры животных (см. *рисунок*, 5, 6), которые интерпретируются как зооморфные головные уборы в виде птицы. На двух других личинах изображены иные головные уборы – боевой шлем с низким круглым куполом (см. *рисунок*, 1) и какой-то убор с тульей из трех горизонтальных рядов (см. *рисунок*, 4). В теменной области остальных двух личин дополнительные элементы не обозначены.

Выделяются общие закономерности и в контексте обнаружения всех шести личин. Первая – как ранее отмечала Л.М. Плетнева по материалам 1970-х гг., личины найдены в составе скоплений предметов, включающих миниатюрные модели [2010, с. 181]. Вторая – почти во всех скоплениях были керамический сосуд и/или железный нож. В половине случаев личины и другие миниатюрные предметы были помещены внутрь сосуда. Третья – указанные скопления предметов с личинами находились вне погребений, чаще всего на очень небольшой глубине от поверхности. Исключением является скопление с личиной 5, зафиксированное непосредственно в могиле.

Датировка и аналоги

Представленные антропоморфные изображения из Тимирязевского-1 могильника найдены в комплексах V–VIII вв. [Беликова, Плетнева, 1983, с. 16–19]. Можно утверждать, что бронзовые личины использовались в обряде памятника на всем протяжении этого периода. Две поделки из кург. 55 и 60 (см. *рисунок*, 2, 4) датированы V–VI вв. по найденным вместе с ними скоплениям миниатюрных моделей и других вещей, характерных для таштыкской культуры. Еще две личины из кург. 39 и 59 (см. *рисунок*, 1, 3) отнесены к VI–VIII вв. [Там же, с. 16–19, 95]. При определении верхней даты бытования антропоморфных изображений следует учитывать мнение Л.М. Плетневой о том, что в Томском Приобье после IX в. таковые не встре-

чены [2010, с. 182]. Как показал поиск стилистических аналогов личин из Тимирязевского-1 могильника, ареал подобных изображений ограничивался территорией Томско-Нарымского Приобья.

Артефакты, наиболее близкие к рассматриваемым в данной статье, имеются в коллекции Новосибирского областного краеведческого музея, которая составлена из предметов, обнаруженных, по мнению А.В. Шаповалова, в Томском Приобье. В коллекцию входят пять бронзовых личин, выполненных в таком же художественном стиле, как и находки из Тимирязевского-1 могильника. К сожалению, археологический контекст обнаружения артефактов, хранящихся в Новосибирском музее, неизвестен. Они отнесены к VI–VIII вв. со ссылкой на аналогичные материалы из датированных курганных могильников Тимирязевский-1 и Релка [Шаповалов, 1995, с. 40, рис. 1, 1–5].

Среди личин, обнаруженных в Нарымском Приобье, которое расположено к северу от Томского Приобья, единственным полным аналогом тимирязевских поделок является бронзовая находка из могильника Релка VI–IX вв. [Чиндина, 1971, рис. 2, 2; 1977, рис. 34, 17; 1991, с. 67]. Остальные антропоморфные изображения, обнаруженные в погребениях и скоплениях предметов в курганных насыпях Релки [Чиндина, 1977, рис. 34], стилистически существенно отличаются от личин «тимирязевского» облика.

На других территориях Сибири, в частности в Новосибирском Приобье, Кузнецкой котловине, Барабе, Омском Прииртышье, аналоги рассматриваемых артефактов из Тимирязевского-1 могильника не зафиксированы (см.: [Бараба..., 1988; Троицкая, Новиков, 1998; Конилов, 2007; Бобров, Васютин, Онищенко, 2010; Илюшин, 2012; и др.]).

В качестве не прямых аналогов тимирязевских находок можно назвать подробно рассмотренные К.Г. Карачаровым бронзовые и деревянные личины (15 ед.) – «изображения собственно лиц кукол» из погребальных и поселенческих комплексов Сургутского Приобья второй половины I тыс. н.э., преимущественно VIII–IX вв. [2002]. Как и личины из Тимирязевского-1 могильника, они небольших размеров, уплощенные, с обозначенной «шеей», характеризуются реалистичной и лаконичной манерой передачи деталей лица, нос показан прямым валиком. Элементом сходства является изображение головного убора. Главное отличие сургутских антропоморфных персонажей – отсутствие линий, обозначающих, возможно, татуировки.

Результаты анализа коллекции антропоморфных изображений из Тимирязевского-1 могильника (6 ед.) и поиска им аналогов позволяют сделать вывод о распространении на территории Томского Приобья в V–VIII вв. специфичной группы личин – «тимирязев-

зевской». С учетом упомянутых артефактов из фондов Новосибирского областного краеведческого музея (5 ед.) и могильника Релка (1 ед.) она насчитывает сегодня 12 ед. Эти личины относятся к одному иконографическому типу, известному по материалам культовой металлопластики из археологических памятников Западной Сибири эпохи Средневековья.

Личины «тимирязевского» облика отличаются от антропоморфных изображений предшествующего кулайского времени, хотя и сохраняют определенную преемственность в самой идее и общих чертах передачи образа. Л.А. Чиндина справедливо указывает, что раннесредневековая металлопластика представляет собой типологически новое литье, отличавшееся от кулайского полным отсутствием ажурности, реализмом в создании образов, полировкой лицевой поверхности личин и рядом других признаков [1991, с. 62].

Антропоморфные личины в погребально-поминальном обряде Тимирязевского-1 курганного могильника

Ранее, анализируя ритуал Тимирязевского-1 курганного могильника, Л.М. Плетнева предлагала рассматривать предметы из насыпи как элементы «снабжения» умершего «не только во время похорон, но и позже, во время поминок». Она также высказала предположение о том, что личину из кург. 59 прикладывали «к какой-то основе, возможно, к деревянной или тряпичной кукле». Эта кукла в соответствии с материалами этнографии народов Сибири интерпретировалась ею как «вместилище одной из душ умершего» [Беликова, Плетнева, 1983, с. 107, 111–112]. Гипотеза о том, что бронзовые личины из Тимирязевского-1 могильника были деталями кукол, остальные части которых изготавливались из не сохраняющихся органических материалов, сегодня дополнена новыми аргументами.

1. На всех шести тимирязевских личинах показана удлиненная шея. На наш взгляд, это конструктивный элемент – с его помощью поделка прикреплялась к органической основе.

2. На территории соседнего Сургутского Приобья обнаружены уникальные куклы VIII–IX вв. В десяти случаях достоверно зафиксировано, что личины «являлись деталями кукол, имевших мягкую основу с плоским каркасом из прутиков» [Карачаров, 2002, с. 27]. Личины были бронзовые и деревянные.

В обрядовой практике сибирских народов хорошо известно использование небольших кукол, «лица» которых служили металлическими личинами. Такие куклы, возможно, изображали как домашних духов-покровителей, так и умерших родственников [Алексеев, 1971; Соколова, 1995; Бауло, 2004; и др.]. Внешне личины могли быть очень похожими, и без

помощи информантов – носителей традиции – определить, кого именно они изображали, не представлялось возможным. При анализе кукол, найденных на поселениях и могильниках Сургутского Приобья, К.Г. Карачаров отмечал невозможность однозначного определения их функционального назначения [2002, с. 49]. Археологический контекст обнаружения личин, их сопоставление с этнографическими данными позволяют интерпретировать тимирязевские куклы как ритуальные двойники умерших.

Литература о различных народах Сибири, в которой описывается обряд изготовления родными покойника его временного ритуального заместителя, настолько обширна, что здесь невозможно дать даже ее краткий обзор. Фиксируются десятки различных вариантов исполнения обряда у угорских, самодийских, тюркских народов, а также у кетов [Алексеев, 1971; Пелих, 1972, с. 73–78; Шишло, 1975; Гемуев, 1990, с. 206–208; Соколова, 1995; и др.]. Поэтому представляются неуместными этнические интерпретации тех археологических материалов, которые подтверждают существование рассматриваемого обряда. Наиболее подробно данная традиция описана и изучена у обских угров [Чернецов, 1959; Соколова, 1995, 2001, 2007, 2009; Федорова, 2007, 2010; Золотарева, 2011; и др.], поскольку в их культуре практика изготовления кукол как временных вместилищ одной из душ умершего фиксировалась в ряде мест еще на рубеже XX–XXI вв. [Соколова, 2009, с. 638; Федорова, 2010, с. 316].

В самом общем виде эта традиция предусматривала изготовление после смерти человека небольшой куклы, в которую временно «вселялась» одна из «душ» умершего. К кукле относились как к живому человеку: ее «кормили», «укладывали спать», шили для нее специальные одежды – уменьшенные копии одежд для живых людей. По прошествии определенного времени эта «душа» умершего «вселялась» в новорожденного ребенка того же рода. Для интерпретации археологического контекста обнаружения тимирязевских личин важны этнографические описания последующих действий с куклами. Например, у различных территориальных групп хантов и манси зафиксированы такие варианты (см.: [Гемуев, 1990, с. 179; Соколова, 2009, с. 624–625, 630; Федорова, 2007, с. 209–210]): кукол относили на святилище или просто в лес, где оставляли или зарывали, переносили из дома на чердак, где продолжали хранить, сжигали, уносили на кладбище и помещали в надмогильное сооружение или подхоранивали в могилу человека, для которого и была изготовлена эта кукла, хоронили в землю рядом с кладбищем или на самом кладбище; изображения старейших и наиболее почитаемых людей рода хранили дома и передавали из поколения в поколение.

Понятно, что не все перечисленные способы обращения с изображениями умерших возможно проследить на археологических материалах. К ним необходимо также добавить вариант, зафиксированный только археологически: сокрытие кукол, по мнению К.Г. Карачарова, происходило также на заброшенных, уже «археологизированных» поселениях [2002, с. 28].

В ритуале Тимирязевского-1 могильника надежно реконструируется преднамеренное захоронение кукол на территории объекта. Чаще всего их подхоранивали на небольшую глубину в насыпь кургана. В парном погребении детей (раскоп 2, 2014 г.) одну куклу (см. *рисунк*, 5) поместили прямо в могилу, а вторую (см. *рисунк*, 6) оставили на ее краю. Кукло хоронили вместе со «своими вещами» – миниатюрными копиями реальных орудий труда, оружия, украшений и посуды. Интересно, что набор категорий этих модельных вещей в целом совпадает с составом инвентаря из погребений с реальными останками людей. При этом уменьшенные железные модели повторяют форму нормальных предметов – тесел, ножей, стрел. Металлические пряжки, часто встречающиеся в скоплениях вещей, поражают своей миниатюрностью; процесс их изготовления можно считать настоящей ювелирной работой.

По материалам этнографии известно, что у кукол, изображающих умерших, были «свои вещи» – украшения, посуда, ножи. С ними находились различные «приклады» – табак, порох, монеты и даже бумажные купюры [Соколова, 2007, с. 66–68; 2009, с. 618–619]. Для кукол специально шили только миниатюрные одежды, а остальные предназначенные для них вещи были самыми обычными бытовыми предметами. Традиция намеренного изготовления для кукол других миниатюрных вещей этнографически не зафиксирована. Показательно, что в Тимирязевском-1 могильнике в некоторых скоплениях вещей с личинами наряду с миниатюрными моделями найдены вещи нормальных размеров, т.е. вместе с куклой могли помещать и реальные предметы.

Контекст обнаружения тимирязевских личин, на наш взгляд, является ключом к пониманию другого своеобразного признака ритуала: нахождение вне погребений десятков скоплений миниатюрных металлических предметов, часто помещенных в миниатюрные керамические сосуды без явных следов хозяйственного использования. Возникает вопрос, почему при раскопках огромного Тимирязевского-1 могильника найдено всего шесть личин – конструктивных деталей кукол как изображений умерших? Скорее всего, они представляют лишь один тип подобных кукол, применявшихся в постпогребальной практике средневекового населения Томского Приобья. Предположение базируется на том, что в археологических и этнографических материалах Сибири известно использование кукол, основой которых были только органи-

ческие материалы. В таких случаях археологически фиксируется лишь сопровождающий кукло инвентарь. В Тимирязевском-1 могильнике в состав этого инвентаря входят преимущественно миниатюрные модели (металлические вещи, керамические сосуды), а также предметы нормальных размеров. По материалам исследования памятника достоверно зафиксировано ок. 30 таких скоплений вещей.

Основой кукол могли служить бронзовые антропоморфные фигурки, отлитые в «полный рост». В Тимирязевском-1 могильнике обнаружен только один подобный артефакт в кург. 15 [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 26, с. 161]. К сожалению, археологический контекст этой находки неясен, поскольку курган был разграблен и фигурка находилась в выкиде [Там же, с. 23].

Заключение

В результате комплексного изучения шести бронзовых антропоморфных личин из Тимирязевского-1 курганного могильника сделан вывод о распространении в V–VIII вв. на территории Томского Приобья личин «тимирязевского» облика, относящихся к одному иконографическому типу личин Западной Сибири эпохи Средневековья. Анализ контекста их нахождения позволяет реконструировать ритуал изготовления из органических материалов изображений умерших в виде кукол, лицами которых и служили эти личины. Кукло использовали в постпогребальных обрядах, а затем подхоранивали в насыпи курганов, помещали в могилу или оставляли рядом с ней.

Можно допустить, что на Тимирязевском-1 могильнике были также захоронены куклы и других типов – только из органических материалов, которые не сохранились ко времени раскопок. В пользу этого свидетельствуют многочисленные изолированные скопления миниатюрных предметов, фиксируемые на небольшой глубине в насыпях курганов или на межкурганном пространстве.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Томской обл. в рамках научного проекта № 16-11-70005 а (р).

Список литературы

Алексеев Е.А. Домашние покровители у кетов // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. – Л.: Наука, 1971. – С. 263–274. – (Сб. МАЭ; т. 27).

Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородавский, А.В. Новиков, А.Р. Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 89–101.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – 244 с.

Березовская Н.В., Марков П.А. Тимирязевский археологический комплекс и вопрос о необходимости его музеефикации // Тр. Том. обл. краевед. музея им. М.Б. Шатилова: мат-лы и итоги полевых исследований. – Томск: Ветер, 2012. – Т. 17. – С. 167–175.

Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. – Кемерово: Инт, 2010. – 276 с.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Зайцева О.В., Кузнецов Н.А., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Забытые комплексы и китайские монеты Тимирязевского-1 курганного могильника // Сибирские исторические исследования. – 2016. – № 4. – С. 281–301.

Золотарева Н.В. Изображения умерших в традиционной культуре обских угров: вещность и знаковость // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2011. – № 351. – С. 62–65.

Илюшин А.М. Предметы культового назначения в материальной и духовной культуре средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 354. – С. 81–87.

Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – С. 26–52.

Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитии Средневековья. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та: Наука, 2007. – 466 с.

Матющенко В.И. Отчет о полевых работах Музея истории материальной культуры летом 1956 г. [Томск, 1957. 26 с.] // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 136.

Очерки культуросогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – 475 с.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. – 424 с.

Плетнева Л.М. Отчет о полевых исследованиях, произведенных летом 1973 г. археологическим отрядом Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского университета. [Томск, 1974] // Архив Института археологии РАН.

Плетнева Л.М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – С. 64–87.

Плетнева Л.М. Антропоморфные изображения из поминально-погребальных комплексов раннего средневековья Томского Приобья // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 170–183.

Святова Е.О. Отчет о научно-исследовательской работе по обработке антропологического материала из объектов на территории Тимирязевского курганного могильника-1 (раскопки 2014 г.). [Тюмень, 2015. 49 с.] // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.

Соколова З.П. Изображения умерших у хантов и манси // Шаманизм и ранние религиозные представления: к 90-летию д-ра ист. наук, проф. Л.П. Потапова. – М.: ИЭА РАН, 1995. – С. 143–173. – (Этнографические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам; т. 1).

Соколова З.П. Итерма // Мифология манси. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 59–60. – (Энциклопедия уральских мифологий; т. 2).

Соколова З.П. Народы Западной Сибири: этнографический альбом. – М.: Наука, 2007. – 342 с.

Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. – М.: Наука, 2009. – 756 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Федорова Е.Г. Представления о смерти, мире мертвых и погребальный обряд обских угров // Мифология смерти: Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: этнографические очерки. – СПб.: Наука, 2007. – С. 198–219.

Федорова Е.Г. Изображения умерших у современных северных манси // Культура как система в историческом контексте: опыт Зап.-Сиб. археологических совещаний: мат-лы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск, 2010. – С. 315–317.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Нов. сер. – М.: Наука, 1959. – Т. 51. – С. 114–156.

Чиндина Л.А. Древние личины из Васюганья // СА. – 1971. – № 4. – С. 233–236.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1977. – 193 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 183 с.

Шаповалов А.В. Бронзовое литье из «старых поступлений» музея // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. – Новосибирск: Новосиб. обл. краевед. музей, 1995. – С. 37–46.

Шишло Б.П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С. 248–260.

*Материал поступил в редколлегию 29.06.15 г.,
в окончательном варианте – 05.10.15 г.*